

«Демон пропаганды» и «mademoiselle Catherine»:
к истории несостоявшейся женитьбы
декабриста М.П. Бестужева-Рюмина

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Институт научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории несостоявшейся женитьбы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина на племяннице другого декабриста, В.Л. Давыдова – Екатерине Бороздиной («mademoiselle Catherine»). Дается оценка роли Бестужева-Рюмина в Южном обществе декабристов, его пропагандистских способностей. Анализируются документы, описывающие ход этой любовной истории, причины, по которым женитьба не состоялась. Основной упор сделан на катастрофические последствия, которые имел отказ Бестужева-Рюмина от женитьбы, на судьбу декабристского заговора.

Ключевые слова: декабристы, М.П. Бестужев-Рюмин, Е.А. Бороздина, В.Л. Давыдов, С.Г. Волконский

Для цитирования: Киянская О.И. «Демон пропаганды» и «mademoiselle Catherine»: к истории несостоявшейся женитьбы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 9. С. 83–102. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-83-102

“The demon of propaganda” and “mademoiselle Catherine”.
On the story of the failed marriage
of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Rumin

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

Abstract. The article is about the history of the failed marriage of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Ryumin to the niece of another Decembrist, V.L. Davydov – Ekaterina Borozdina (“mademoiselle Catherine”). The author assesses Bestuzhev-Rjumin’s role in the Southern Decembrists Society and his propaganda abilities. The author also analyses documents describing the course of that love story and the reasons why the marriage did not take place. The main emphasis is placed on the disastrous consequences that Bestuzhev-Ryumin’s refusal to marry had for the fate of the Decembrist conspiracy.

Keywords: the Decembrists, M.P. Bestuzhev-Ryumin, E.A. Borozdina, V.L. Davydov, S.G. Volkonsky

For citation: Kiyanskaya, O.I. (2023), “ ‘The demon of propaganda’ and ‘mademoiselle Catherine’. On the story of the failed marriage of the Decembrist M.P. Bestuzhev-Rumin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 83–102, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-9-83-102

Декабристские тайные общества часто описываются в историографии как некие секты ненавидевших власть заговорщиков, которых – кроме революционного переустройства мира – больше ничего не интересовало. Конечно же, это не так. Декабристы были молоды, они служили, любили, дрались на дуэлях, женились – и события их личных биографий вплетались в историю российского заговора 1820-х гг., трансформировали его.

В данном случае речь пойдет о любовной истории Михаила Бестужева-Рюмина – самого молодого из казненных декабристских лидеров. В момент смерти ему было 25 лет, а к началу описываемых событий – 21 год.

История его несостоявшейся женитьбы на Екатерине Бороздиной, племяннице другого декабриста, Василия Давыдова, загадочна. Источники, проливающие свет на историю его сватовства, достаточно скудны: на эту тему сохранилось три письма из его переписки с мужем двоюродной сестры Саввой Мартыновым.

Два письма принадлежат Бестужеву-Рюмину, одно – Мартынову. Кроме того, отрывочные сведения об этой истории содержатся в следственных делах заговорщиков. Однако и из этих скудных источников можно сделать некоторые выводы, поскольку биография Бестужева-Рюмина в принципе небогата на личные документы.

* * *

Мать Екатерины Бороздиной, Софья Львовна, урожденная Давыдова – родная сестра Василия Давыдова. И она, и ее дети были представителями мощного клана Давыдовых-Раевских: сводный брат Софьи, генерал Николай Раевский, командовал в 1823 г. 4-м пехотным корпусом со штабом в Киеве. Родственные узы связывали этот клан с декабристами, и не только с Василием Давыдовым: генералы-заговорщики Михаил Орлов и Сергей Волконский были женаты на дочерях генерала Раевского. Как известно, оба сына Раевского, Александр и Николай, знали многих деятелей тайных обществ, дружили с ними и сами подозревались в участии в заговоре. В 1826 г. их арестовали, однако отпустили с оправдательными аттестатами. Сестры Бороздины тоже связали свои судьбы с декабристами: после неудачного романа с Бестужевым-Рюминым Екатерина стала женой Владимира Лихарева, а ее старшая сестра Мария тогда же, в 1825 г., обвенчалась с Иосифом Поджио.

Отец сестер, генерал-лейтенант Андрей Бороздин, был крупным чиновником: бывший таврический гражданский губернатор, к 1823 г. он был уже сенатором. Кроме дочерей в семье был сын Лев, впоследствии предводитель дворянства Чигиринского уезда Киевской губернии.

Самыми значимыми фигурами среди окружавших Бороздиных деятелей тайных обществ были, конечно, Давыдов и Волконский. Они близко дружили с руководителем заговора Павлом Пестелем и возглавляли одну из управ Южного общества – Каменскую. Обществом руководила Директория, куда вместе с Пестелем входил генерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский. Пестель был автором «Русской Правды» – своеобразного свода законов, который должен был быть введен в действие после победы революции.

Бестужев-Рюмин, узнавший о существовании тайного общества в 1822 г. от своего ближайшего друга Сергея Муравьева-Апостола, в январе 1823 г. уже присутствовал на совещании руководителей тайного общества в Киеве. На этом совещании были приняты основные положения «Русской Правды», было единство и в способе революционного действия: предполагалось взять власть с помощью армии, произвести «военную революцию». Молодой заговорщик тоже вошел в руководство Южным обществом, возглавив – вместе с

Муравьевым – Васильковскую управу (с центром в уездном городе Василькове Киевской губернии, где жил и служил Муравьев-Апостол). Для него это совещание стало началом иной жизни, не похожей на ту, что он вел до той поры. Служивший с 1818 г. в нижних чинах в столичной гвардии, в Кавалергардском и Семеновском полках, в конце 1820 г. он – после известной Семеновской истории (см. об этом: [Киянская 2023, с. 249–273]) – был переведен в армию, в пехотный Полтавский полк. Только в 1821 г. Бестужев получил первый офицерский чин, стал прапорщиком, в мае 1824 г. его произвели в подпоручики. Но как бывшему семеновцу Бестужеву были запрещены отпуска и отставка. Тайное общество давало ему возможность проявить свои немалые дипломатические и организаторские таланты, ненужные в официальной армейской службе.

Товарищи по обществу приняли прапорщика дружески и уважительно, сразу оценив его незаурядность. Родственнику, Савве Мартынову, Бестужев-Рюмин писал, что с Давыдовым он находится «в самых дружеских отношениях»¹. Одним из первых поручений, за исполнение которого взялся молодой заговорщик, было достижение договоренности с Польским патриотическим обществом о совместных действиях. Переговоры шли успешно, и за эти успехи Бестужева официально поблагодарил и даже «обнял» один из южных «директоров», генерал-интендант 2-й армии Алексей Юшневский². По словам Юшневого, сделал он это по просьбе Василия Давыдова, «который заметил, что сие польстит самолюбию Бестужева, тогда недавно принятого в общество»³.

А генерал Волконский, приехав в 1824 г. Петербург, привез Мартынову письмо от Сергея Муравьева-Апостола, наполненное похвалами молодому офицеру, и передал Мартынову «вести о Бестужеве». В Петербурге генерал собрался, в частности, «хлопотать» за Бестужева, прося предоставить ему отпуск «через своих родных»⁴.

¹ См.: *Модзалевский Б.Л.* Страница из жизни декабриста М.П. Бестужева-Рюмина // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 3. С. 207.

² См.: Поджио А.В.: Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1954. Т. 11. С. 70.

³ Юшневский А.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. Т. 10. С. 78. Правда, С.Г. Волконский показывал, что Юшневский похвалил начинающего заговорщика по просьбе Сергея Муравьева-Апостола (Волконский С.Г.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. Т. 10. С. 132).

⁴ См.: *Муравьев-Апостол С.И.* Письмо к С.М. Мартынову // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С. 225; *Модзалевский Б.Л.* Указ. соч. С. 208–209.

Иными словами, с начала 1823 до конца 1824 г. Южное общество существовало практически бесконфликтно.

Руководители заговора не во всем придерживались единого мнения: спорили о судьбе царской семьи, о месте и времени начала революции. Пестель и его друзья считали необходимым безусловное уничтожение всей «высочайшей фамилии», а Бестужев-Рюмин с Муравьевым колебались, не хотели никого убивать, но в итоге согласились с возможностью убийства императора. При этом подполковник Муравьев-Апостол, поддерживаемый Бестужевым, был сторонником немедленного восстания, Пестель же считал, что для его осуществления нужна серьезная, длительная подготовка. Заговорщики расходились и в оценках предыдущих европейских революций, обсуждали их ход, итоги, уроки, которые из них можно было извлечь. Но это были уважительные, дружеские споры, не переходящие в личные конфликты – что было редкостью для декабристской конспирации.

* * *

Портрета Бестужева-Рюмина – за исключением сделанной во время следствия небрежной карандашной зарисовки – не сохранилось. Но судя по тому, что он начал службу в кавалергардах, а в Семеновском полку был знаменосцем, Бестужев не был лишен мужской красоты и физической силы. Как и многие молодые люди начала 1820-х гг., в обычной жизни заговорщик был «рассеянным и ветреным», «представлял из себя влюбленного во всех женщин и до того умел им нравиться, что со многими из них... вел переписку. Его принимали все, а особенно прекрасный пол, как веселого собеседника, над которым можно было забавляться»⁵. Но в данном случае его настигла, по словам Н.Я. Эйдельмана, «злая девчонка-любовь» [Эйдельман 1975, с. 159]⁶.

Сложно сказать определенно, где и когда Бестужев-Рюмин познакомился с Екатериной Бороздиной, мечтательной девушкой, которая, по свидетельству знавших ее людей, «расходилась в самой выспренной чувствительности, вздыхала и поднимала глаза к небу»⁷. Возможно, это был киевский дом генерала Николая Раевского, где Бестужев был принят «на самой дружеской ноге».

⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Вступление на престол императора Николая I // Русская старина. 1890. № 11. С. 497–498.

⁶ Эйдельман цитирует стихотворение А.А. Ахматовой «Последнее стихотворение».

⁷ Андреевский Э.С. Записки. Одесса: Тип. Акционерного Южно-русского общ-ва печатного дела, 1913. Т. 1. С. 281.

Вероятно, генерал знал молодого офицера еще до его вступления в тайное общество и «выказывал» к нему «много доброты»⁸. Вполне возможно, что познакомились они в другом киевском доме – доме, принадлежавшем Екатерине Давыдовой, урожденной Самойловой, матери Николая Раевского, Софьи Бороздиной и Василия Давыдова. Давыдов, наезжая в Киев, останавливался в доме матери и предоставлял его для совещаний заговорщиков. Но Муравьев и Бестужев-Рюмин, по его словам, ездили в этот дом «часто по другим причинам, известным в семействе»⁹.

Точно можно сказать, что молодые люди виделись в знаменитой Каменке – имении, которое, как и дом в Киеве, принадлежало матери Давыдова. 24 ноября в Каменке праздновались именины хозяйки, съезжалось множество гостей – и эти сборы декабристы тоже использовали для совещаний. В конце ноября 1823 г. Бестужев впервые посетил Каменку.

К этому моменту 22-летний заговорщик уже 10 месяцев возглавлял Васильковскую управу. Кроме переговоров с поляками, у него были и другие успехи: соавторство в «Бобруйском заговоре» – несостоявшейся попытке начать военную революцию в армейском лагере под Бобруйском (об этом и других планах см.: [Готовцева 2022, с. 91–110]). Он уже стал таким, каким и вошел в историю русского заговора 1820-х гг.: пылким и результативным оратором, перед обаянием которого сложно было устоять, – настоящим «демоном пропаганды» (как называл заговорщика следователь Александр Бенкендорф¹⁰).

Согласившись с необходимостью царевубийства, решив потом, что к этой «жестокой мере» прибегать не следует, он в Каменке снова присоединился к сторонникам царевубийства¹¹.

Совещались заговорщики всего один день, 24 или 25 ноября, когда Каменку посетил их лидер – полковник Пестель¹². Но и в день совещания, и в другие дни все они общались, конечно, с гостями дома, а тем более – с ближайшими родственниками именинницы.

⁸ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 497; Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 208.

⁹ Давыдов В.Л.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. Т. 10. С. 206.

¹⁰ См.: Бенкендорф А.Х. Воспоминания: 1802–1837. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. архив, 2012. С. 338.

¹¹ См.: Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. Т. 9. С. 110, 141.

¹² См.: Поджио И.В.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 12, 165.

Состав гостей точно не известен, однако Софья Бороздина не могла игнорировать именины матери. Вполне возможно, что Бестужев-Рюмин встречался с Бороздинами и в январе 1824 г.: в ходе контрактной ярмарки в киевском доме Давыдовых происходило очередное совещание участников южного заговора.

Точно известно, что в апреле 1824 г. Бестужев-Рюмин приехал в местечко Телепин, имение Софьи Бороздиной – очевидно, приглашение он получил от хозяйки или ее мужа.

Это было именно личное приглашение: в Телепине не было совещаний, в этом имении никогда не бывал Пестель¹³. Встреча с Екатериной была, таким образом, единственной целью посещения Бороздиных.

Из главных деятелей заговора в Телепине присутствовал лишь Василий Давыдов, заехавший в гости к сестре. Зато здесь Бестужев-Рюмин познакомился с отставным штабс-капитаном итальянцем Иосифом Поджио, чей отец переселился в конце XVIII в. в Россию и вступил в русскую службу.

Бестужев уже знал младшего брата Иосифа, Александра Поджио. Младший Поджио, тогда штабс-капитан гвардейского Преображенского полка, был принят в тайное общество в Киеве в январе 1823 г. Приняли его совместно Василий Давыдов и Сергей Муравьев-Апостол. Александр Поджио был идейным декабристом, на следствии он показывал, что вступить в общество его побудило «убеждение... в необходимости участвовать в предприятии даровать свободу и права народу нашему»¹⁴.

В отличие от брата, Иосиф Поджио до апреля 1823 г. в обществе не состоял и не знал о его существовании. Иосиф был вдовцом: в 1820 г. его жена умерла, оставив ему четверых малолетних детей. Однако в Телепине и он стал заговорщиком: на следствии показывал, что Давыдов повел его «на верхний этаж дома в особенную комнату» и предложил «вступить в тайное общество». Принять предложение Давыдова, по признанию Поджио, его заставила любовь: он уже был влюблен в Марию Бороздину. Отказаться от предложения возможного родственника Иосиф Поджио, по его собственным словам, «побоялся» – «чтобы не навлечь на себя негодование господина Давыдова»¹⁵.

«На другой день, как был принят в общество», Поджио-старший попал в сети «демона пропаганды». Бестужев, согласившись с

¹³ Пестель П.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 166.

¹⁴ Поджио А.В.: Следственное дело. С. 47–48, 50, 84.

¹⁵ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 163.

необходимостью царевубийства, искал людей, готовых лично убить царя на армейском смотре, и разговаривал на эту тему с некоторыми членами Южного общества. Не избежал такого разговора и Поджио. На предложение стать царевубийцей он ответил согласием и даже пообещал, что сам возглавит отряд царевубийц¹⁶. На следствии он рассказал об этом эпизоде в письме к следователю Василию Левашову: утверждал, что согласился на царевубийство «в шутку», не позволил записать свою фамилию в соответствующий список и после этой встречи перестал общаться с Бестужевым¹⁷. Отвлекаясь в данном случае от мотивов, по которым 32-летний отставной штабс-капитан, вдовец, отец четверых детей принял предложение 22-летнего подпоручика, от которого его семейная жизнь никак не зависела, следует отметить, что вряд ли ситуация была столь «шутливой». Приехав несколько месяцев спустя вместе с Давыдовым к Пестелю, Иосиф Поджио пообещал руководителю Южного общества, что в случае царевубийства будет «находиться там, где и другие»¹⁸.

Очевидно, родители сестер Бороздиных редко приглашали молодых людей к себе в дом. Иосиф Поджио, рассказывая на следствии, что не посмел отказаться от вступления в общество, заметил, что в случае отказа он мог поссориться с Давыдовым и «чрез то лишиться способу» посещать Каменку. В доме же матери сестер Бороздиных ему удавалось быть «весьма редко, раз или два в год»¹⁹. Можно предположить, что и Бестужев-Рюмин, судя по его показаниям, посетивший Телепин всего один раз, общался с Екатериной Бороздиной чаще всего именно в Каменке. Документы фиксируют очередной приезд Бестужева в Каменку, например, в конце августа – начале сентября 1824 г. Он приехал один и конспиративных разговоров, по-видимому, на этот раз не вел²⁰.

Следующая дата в любовной истории Бестужева – 16 ноября 1824 г.; в этот день он написал первое из известных исследователям писем к Мартынову и изложил некоторые подробности своей любви. «Я провел много времени за размышлениями о моих семейных делах, – писал Бестужев-Рюмин, – и о том, в каком положении буду я в свете в 23 года от роду, – без чина и с небольшим состоянием, а также о тех беспрестанно вновь возникающих заботах, которые мне приходилось видеть даже в таких союзах, в которых муж и жена

¹⁶ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 175.

¹⁷ Письмо И.В. Поджио следователю В.В. Левашову в следственном деле А.В. Поджио (Поджио А.В.: Следственное дело. С. 55).

¹⁸ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 179.

¹⁹ Там же. С. 163.

²⁰ См.: *Муравьев-Апостол С.И.* Письмо к С.М. Мартынову. С. 225.

наилучше подходят друг к другу: наконец, о тех неприятностях, которым я подвергну мою жену, заперев ее на неопределенное время в Ржищеве (полковой квартире Полтавского полка. – *О. К.*). Я сделал больше. – Я представил все это Catherine и ее дяде Василию Давыдову... Даю вам честное слово, что я ничего при этом не скрыл, даже не прикрыл. И вот, – ничто не пугает Catherine, и родители ее обещают достаточное приданое (так как я часто повторял, что я небогат) и перемену моей служебной карьеры, как только государь дарует нам прощение»²¹.

Из этого письма следует: к ноябрю и сама Екатерина Бороздина, и Василий Давыдов, и, естественно, родители Бороздиной знали о намерении Бестужева-Рюмина жениться. Следовательно, основная часть романа длилась с апреля по ноябрь 1823 г. и закончилась тем, что заговорщик предложил возлюбленной руку и сердце и рассказал о своих устремлениях ее родителям. На его предложение и сама девушка, и ее родители ответили, судя по письму, согласием. Речь пошла о приданом для Екатерины и об обустройстве быта будущих супругов. Девушка явно была влюблена: ее не пугал даже тот факт, что ее возлюбленный не мог подать в отставку. Она готова была «запереть» себя в Ржищеве и согласилась ждать – совместно с мужем – императорского «прощения».

Бестужеву оставалось только получить родительское благословение на брак – и он просил Мартынова помочь ему. «В настоящее время, дорогой кузен, дело состоит в том, чтобы получить согласие моих родителей, и в этом отношении я рассчитываю на своего прежнего благодетеля. Да, только вы один сможете заставить их понять, что необходимо для того, чтобы поставить их женатого сына приличным образом в свете, – и они не устоят против вашего красноречия», – убеждал он Мартынова²². Бестужев просил Мартынова не говорить напрямую с родителями, справедливо полагая, что ему стоит это сделать самому. Кузена он уговаривал написать для них письмо, которое – в собственный приезд в Москву – он собирался им передать.

Бестужев-Рюмин сообщил родственнику, что «к Екатерину дню», т. е. к 24 ноября, снова собирается в Каменку, «к старейшей представительнице семьи»²³. Очевидно, этот визит оказался последним: вскоре Бестужев-Рюмин получил послание Мартынова с сообщением, что родители решительно отказались благословить брак сына.

²¹ *Модзалевский Б.Л.* Указ. соч. С. 207.

²² Там же. С. 208.

²³ Там же. С. 209.

Мартынов, еще до получения письма кузена знавший о его намерениях из не дошедшего до нас письма Сергея Муравьева-Апостола²⁴, все же сам поговорил с его родителями. Они, по его словам, «прямо возмутились». Особенно против женитьбы восставала мать, которая считала, что женитьба не принесет сыну счастья. Родители отказались давать сыну больше денег на содержание и заявили Мартынову, что его женитьба «сведет их в могилу».

Житейски опытный Мартынов был согласен с ними. Он ставлял Бестужева-Рюмина: «В твоём положении ты можешь быть только несчастлив, женившись; молодая особа, которую сейчас ничто не пугает, обманывает самое себя относительно будущего так же, как и ты, и также раскается; однако, когда имеешь немного опыта, знаешь, что это общий язык всех молодых людей, которые желают пожениться. Пусть влюбленный скажет своей возлюбленной, что через два дня после брака он должен поселиться в глубине Сибири, – я вперед отвечу ему: будут счастливы последовать за ним в ссылку, любовь-де скрашивает пустыни – и все высокие слова, которым одна неопытность придает некоторое значение»²⁵.

Последний документ в этой истории – ответное письмо Бестужева-Рюмина Мартынову. Бестужев возражает родственнику: он вовсе не требовал от родителей оплачивать его семейную жизнь. «Mademoiselle Бороздина имеет свое собственное состояние, которое ей принадлежит на законном основании; ее имение сдано в аренду и приносит ежегодно чистого дохода 20 000 руб. Если я желал, чтобы мои родители ассигновали мне сумму, достаточную для женатого человека, не имеющего склонности к безумным тратам, то это для того, чтобы не быть в денежной зависимости от жены с первого же дня после свадьбы», – писал он.

Бестужев-Рюмин был уверен: «Причина образа действий» его родителей заключалась «в их убеждении», что их сын «глупец, которого всякий может провести в собственных интересах». «Я не знаю, утешительно ли такое мнение о 24-летнем сыне, но мне хочется верить, что оно несправедливо», – объяснял он кузену²⁶.

На этом документальная часть истории несостоявшейся женитьбы Бестужева-Рюмина заканчивается. Свадьба не состоялась, а в августе 1825 г. в Телепине младшая племянница Василия Давыдова обвенчалась с подпоручиком квартирмейстерской части

²⁴ Модзалевский Б.Л. Указ. соч. С. 216.

²⁵ Там же. С. 215–216.

²⁶ Бестужев-Рюмин М.П. Письмо к С.М. Мартынову // Декабристы. М.: Изд. Гос. лит. музея, 1938. С. 82.

Владимиром Лихаревым²⁷. Размышляя об этой свадьбе, Н.Я. Эйдельман предполагал, что за Лихарева Екатерина Бороздина могла выйти «с горя» [Эйдельман 1975, с. 164].

* * *

Из последнего письма Бестужева к Мартынову следует, что он, конечно, был расстроен отказом родителей. Но, по его словам, несмотря на телесные и душевные «страдания», у него было еще «много важных вещей», которые он намеревался впоследствии сообщить родственнику. Кроме того, он сообщил родственнику, что – несмотря на страдания – не собирается покончить с собой²⁸.

И из этого письма, и из последовавших вскоре событий можно сделать вывод: если бы Бестужев-Рюмин действительно хотел жениться, он бы это сделал. Совершенно не оглядываясь на родительские запрещения, например, его родной старший брат Николай, предпочитавший жениться на близких родственницах: в первый раз его женой стала двоюродная тетка, а во второй – двоюродная сестра. Родительское недовольство доходило до того, что отец жаловался на сына цесаревичу Константину – но все равно Николай поступил так, как считал нужным²⁹. Вряд ли можно поверить в то, что «демон пропаганды», не боявшийся «умышлять» на жизнь императора и готовить военную революцию, на самом деле не мог решиться изменить свою судьбу без родительского разрешения.

19 июня 1826 г., когда следствие по делу о «злоумышленных тайных обществах» уже было закончено и работал Верховный уголовный суд, Бестужев-Рюмин вспомнил, что через несколько месяцев после памятной встречи в Телепине Иосиф Поджио, проезжая вместе с братом Александром через Васильков, остановился в доме у Сергея Муравьева-Апостола. «Я, – писал он следователю Александру Чернышеву, – зная, что он собирается жениться во второй раз, спросил его, остается ли он при своем намерении быть в числе заговорщиков». Поджио-старший ответил, что «дал свое согласие в момент возбуждения», однако теперь, когда в его жизни появляются новые обязанности, он отказывается от прежних намерений. «С этих пор <тайное> общество не считало Поджио в числе заговорщиков», – констатировал Бестужев-Рюмин³⁰.

²⁷ См.: Декабристы: Биографический справ. М.: Наука, 1988. С. 103.

²⁸ См.: Бестужев-Рюмин М.П. Письмо к С.М. Мартынову. С. 81–83.

²⁹ См.: Бестужев-Рюмин К.Н. Воспоминания (до 1860 г.). СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1900. С. 6, 7.

³⁰ Богданова Н.Г. Письмо М.П. Бестужева-Рюмина к А.И. Чернышеву // Памяти декабристов: Сб. материалов. Т. 2. С. 93–94.

Эта встреча не могла не повлиять на отношение Бестужева-Рюмина и к собственной возможной женитьбе. Не только у Поджио, но и у него самого неминуемо должны были появиться новые обязанности. Брак поставил бы крест на бурной жизни, которую вел Бестужев, он был бы связан обязательствами перед женой, в браке могли родиться дети. Ситуация вполне могла сложиться так, что и его самого тайное общество перестало бы считать в числе своих членов. А с руководящей ролью в заговоре расстаться бы пришлось почти наверняка.

Скорее всего, к моменту отказа родителей Бестужев уже и сам не хотел связывать себя узами брака. Вполне вероятно, он не столько расстроился, сколько вздохнул с облегчением, узнав о родительском недовольстве. Родные были правы: вряд ли бы он мог обрести счастье в тихой семейной жизни. Вскоре в тайном обществе начали происходить новые события, физические и моральные страдания были быстро забыты – и Бестужев с головой окунулся в прежнюю конспиративную жизнь.

* * *

Между тем несостоявшаяся свадьба повлекла тяжелые последствия и для Бестужева-Рюмина, и для всего заговора декабристов. Ситуация была весьма скандальна, она вполне могла привести к дуэли. В сентябре 1825 г. даже не столь категоричная ситуация стала причиной знаменитой петербургской дуэли двух гвардейских офицеров: Владимира Новосильцева и Константина Чернова. Новосильцев сделал предложение сестре Чернова, получил ее согласие, но этому браку воспротивилась мать жениха. Новосильцев просил отсрочить свадьбу, пытаясь уговорить мать, но вместо отсрочки получил вызов. Дуэль кончилась смертельным исходом для обоих участников.

Применительно к истории сватовства Бестужева-Рюмина дуэльный исход тоже был вполне возможен. Более того, ставропольский журналист Виктор Кравченко, ссылаясь на материалы семейного архива Лихаревых, утверждает, что дуэль состоялась – и противником незадачливого жениха был именно Владимир Лихарев:

«...Дуэль была назначена на 8 ноября 1824 года. Стрелялись члены Южного тайного общества подпоручики Михаил Бестужев-Рюмин и Владимир Лихарев “из любви к красавице брюнетке”.

В 1823 году пятнадцатилетняя Катенька, дочь сенатора генерала Андрея Бороздина, впервые появилась на балу в Киеве, сразу покорила сердца и вскружив головы молодым офицерам. Красавица ответила взаимностью Бестужеву-Рюмину. Он посещал имение Бороздиных

и спустя год предложил Екатерине руку и сердце. Однако родители подпоручика не дали благословения. Исполнив волю отца и отказавшись от женитьбы, Бестужев-Рюмин тем самым скомпрометировал девушку...

Итак, 8 ноября дуэлянты, секунданты и штабной лекарь в колясках выехали за город. Лихарев стрелял первым, и его пуля сорвала левый эполет с плеча противника. Ответная пуля пробила тонкое офицерское сукно и застряла в мягкой ткани правого бедра»³¹.

Из изложенной Кравченко дуэльной истории достоверно можно подтвердить только один факт: Владимир Лихарев действительно был ранен. Согласно приметам государственного преступника, описанным перед отправлением Лихарева на каторгу, «на правом боку ниже ребер» был виден «от раны шрам и пуля внутри»³². Но когда и при каких обстоятельствах Лихарев получил рану – неизвестно. Сложно подтвердить документально и присутствие Бестужева-Рюмина на балу в Киеве в 1823 г. (на котором к тому же присутствовала и Екатерина Бороздина), и сорванный пистолетным выстрелом «левый эполет». Но точно можно утверждать, что 8 ноября 1824 г. дуэль состояться не могла. В этот момент Бестужев-Рюмин был еще полон надежд на счастливый исход сватовства: он в очередной раз собирался в Каменку, а восемь дней спустя написал Мартынову первое из дошедших до нас писем.

Однако можно утверждать точно, что история со сватовством привела едва ли не к катастрофе в тайном обществе: для Василия Давыдова он стал врагом. Ненависть к скомпрометировавшему девушку легкомысленному подпоручику вспыхнула и в сердцах других заговорщиков, связанных с Давыдовым родственными и дружескими узами. Естественно, Бестужев-Рюмин не мог больше посещать не только Телепин и Каменку, но и дом генерала Раевского. Мартынову Бестужев поведал, что, «к счастью», возле него «находится друг», который разделяет его печали»³³. Рядом с ним действительно остался Сергей Муравьев-Апостол, добровольно подвергшийся остракизму со стороны товарищей-конspirаторов. Соответственно, и с Муравьевым Давыдов общаться перестал.

«Известно всем, что мы с ним (Сергеем Муравьевым. – О. К.) разошлись неприятно, по особенным обстоятельствам», – пока-

³¹ Кравченко В. Перед богом и людьми // Ставропольская правда. 2015. № 147. 5 авг.

³² Декабристы: Биографический справ. С. 103.

³³ См.: Бестужев-Рюмин М.П. Письмо к С.М. Мартынову. С. 82.

зывал Давыдов³⁴. «Я же более году не имел никаких сношений с Давыдовым», – подтверждал его слова Муравьев³⁵. Иосиф Поджио, женившийся на Марии Бороздиной, показывал, что «Муравьев и Бестужев перестали уже ездить к Давыдову, ибо сделался у нас большой разрыв»³⁶.

* * *

В декабре 1824 – начале 1825 г. в Южном обществе произошло еще одно событие, больно ударившее по всей тайной организации и во многом предопределившее будущую неудачу заговорщиков.

Бестужев-Рюмин написал письмо члену Польского патриотического общества Анастасию Гродецкому, с которым он вел переговоры. Заметив охлаждение своего визави и к общему делу, и к собственной персоне, Бестужев в письме напоминал полякам об их обязательствах перед русскими и просил немедленно «истребить» наместника русского царя в Польше, цесаревича Константина Павловича. Русский заговорщик доказывал полякам, что «нельзя совершить переворота без помощи армии и что пока цесаревич будет жив, польское общество не может полагаться на своих войск, которые преданы цесаревичу»³⁷. Послание было весьма опасным и – в случае обнаружения правительством – грозило и Бестужеву, и Гродецкому, и тому, кто согласился бы его передать, по меньшей мере тюрьмой.

Письмо это не было следствием мгновенного «цареубийственного» порыва: такого рода разговоры велись в Южном обществе постоянно. Пестель не верил полякам. Он полагал, что они могут воспользоваться слабостью русских «во время переворота» и возвести на престол цесаревича, «дабы он из благодарности возвратил им независимость». Именно Пестель был автором идеи «немедленного истребления цесаревича»³⁸.

«В первых числах декабря 1824 года» в Васильков, квартиру Сергея Муравьева-Апостола, где был в тот момент и Бестужев-Рюмин, проездом из Петербурга в Киев заехал генерал Сергей Волконский. Генерал был настроен вполне дружелюбно: в частности,

³⁴ Давыдов В.Л.: Следственное дело. С. 225.

³⁵ Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 4. С. 284.

³⁶ Поджио И.В.: Следственное дело. С. 169–170.

³⁷ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 39; Муравьев-Апостол М.И.: Следственное дело // Восстание декабристов: Материалы. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. С. 253.

³⁸ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 111.

рассказывал Бестужеву о собственном столичном разговоре с Мартыновым и об участии в судьбе подпоручика со стороны жены Мартынова, Марии Степановны³⁹. От Бестужева-Рюмина Волконский получил послание для Гродецкого, который тоже должен был приехать в Киев. Содержание письма Волконский знал: перед запечатыванием оно было ему прочтено.

Дальнейшие приключения письма заговорщики на следствии описывали по-разному. Волконский убеждал следователей: письмо показало ему «невозможным к отдаче как по правилам, данным Бестужеву, ни в какие письменные сношения не входить, так и по уверениям, которые он делал и которые не вправе был делать». «Сие письмо было мною взято, но с тем, чтобы его не вручать», «несколько времени после сего Василий Давыдов приехал в Киев, я сказал ему как о смысле письма, так и о моем решении, и чрез него по случаю его отъезда написал записку к Бестужеву, что я письмо не отдал и, как помнится, посылаю оное на суд Пестелю», – утверждал Волконский⁴⁰.

Письмо действительно оказалось в руках Пестеля. «Князь Волконской, прочитав сию бумагу и посоветовавшись с Васильем Давыдовым, наместо того, чтобы отдать сию бумагу Гродецкому, представил оную Директории Южного края. Директория истребила сию бумагу, прекратила сношения Бестужева с поляками и передала таковые мне и князю Волконскому», – показывал руководитель тайного общества⁴¹.

Однако Бестужев-Рюмин видел судьбу послания по-другому. «Письмо сие отдал я для доставления в Киев к<нязю> Волконскому... В последствии времени письмо сие Волконский мне возвратил, говоря, что Давыдов не позволил ему взойти с обществом в письменное сношение», «письмо я дал Волконскому запечатанное; он так же мне его и возвратил», – показывал он⁴². По словам Сергея Муравьева-Апостола, «мнение» Бестужева, «возвращенное кн<язем> Волконским», было оставлено «без всякого внимания самим Бестужевым» и вместе с другими бумагами лежало в его, Сергея Муравьева, собственном портфеле⁴³.

Письмо вынималось из портфеля по крайней мере дважды. В конце ноября Сергей Муравьев-Апостол читал его захватившему

³⁹ См.: Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 169; *Бестужев-Рюмин М.П.* Письмо к С.М. Мартынову. С. 82.

⁴⁰ Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 132.

⁴¹ Пестель П.И.: Следственное дело. С. 116.

⁴² Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 39, 65.

⁴³ См.: Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело. С. 370–371.

в Васильков штабс-капитану Александру Корниловичу. Муравьев вручил Корниловичу копию этой бумаги; штабс-капитан отвез ее в столицу и передал князю Сергею Трубецкому. Копия была прочитана Трубецким и им же сожжена⁴⁴.

Месяц спустя, 25 декабря, в Житомире, когда Сергей Муравьев-Апостол, уже решившийся на восстание, отчаянно пытался найти союзников, способных немедленно вывести войска ему в помощь, он дал прочесть оригинал письма графу Петру Мошинскому, участнику польского заговора. Письмо было прочтено «с тем, чтобы вовлечь поляков в такой поступок, после коего им оставалось бы только возмутиться». Муравьев просил передать послание в Директорию польского общества. Однако Мошинский письма не взял, сказав, «что он никак не смеет принять писанного мнения, ибо это против законов их общества». Два дня спустя подполковник лично бросил в огонь злополучную бумагу⁴⁵.

В истории с письмом интересная даже не этическая сторона дела: ничего не мешало Волконскому хотя бы попытаться отговорить Бестужева от его опасной затеи. Конечно, запретить какие-либо действия по тайному обществу Волконский ему не мог: у обоих был равный статус председателей управ, и, согласно принятым в Южном обществе правилам, в случае споров вопрос должны были решать Пестель или Юшневский⁴⁶. Однако вряд ли подпоручик рискнул бы не послушаться здравого совета опытного генерала. Кроме того, генерал мог просто отказаться выполнить просьбу.

Интереснее другое: Пестель был уверен, что бумага, представленная «Директории Южного края», «истреблена» в Киеве, хотя на самом деле письмо вернулось к автору в Васильков. Если же попытаться восстановить хронологию событий, то можно предположить, что Волконский поначалу был вполне согласен и с содержанием письма, и с формой его передачи. Но, согласившись стать курьером, князь еще не знал, что Бестужев-Рюмин передумал брать в жены Екатерину Бороздину.

Однако в январе 1825 г., когда в Киев приехал Пестель, и Давыдов, и Волконский явно уже получили информацию, что Бестужев не станет жениться. Кроме того, 11 января состоялась другая свадьба: Волконский обвенчался с Марией Раевской, еще одной

⁴⁴ См.: Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 145; 21, с. 329; Корнилович А.О.: Следственное дело // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1969. Т. 12. С. 331.

⁴⁵ См.: Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело. С. 370–371.

⁴⁶ См.: Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 132.

племянницей Давыдова, и на этой свадьбе Пестель был шафером [Муллин 1971, с. 87–93]. Естественно, Волконский пополнил собою семейный клан Давыдовых-Раевских, негодующих на Бестужева. Князь показывал, что «на слова начальников Васильковской управы с некоторого времени перестал иметь веру»⁴⁷.

Письмо к Гродецкому явно было вскрыто, с него была снята копия для Пестеля, впоследствии и «уничтоженная». После чего письмо вновь запечатали – и отправили назад, автору. О том, что в его руках оказалась копия, Пестель вряд ли знал: зная это, он, конечно, настоял бы и на уничтожении оригинала. Все это немало способствовало усилению вражды васильковских руководителей «с друзьями... Давыдова (по делам, чуждым обществу)»⁴⁸.

В феврале 1825 г. Пестель и Юшневский приехали в Васильков. Беседа с руководителями тайной организации шла, судя по показанию Бестужева-Рюмина, о «возможности предпри<н>ять действия в лагере того года (1825)»⁴⁹. Но вряд ли в разговоре Пестель не поднял вопроса о злополучном письме. По крайней мере, на следствии подпоручик показывал, что руководитель Южного общества – «человек нрава вспыльчивого» и «не всегда размерял свои слова»⁵⁰. В любом случае права вести от имени Южного общества переговоры с поляками васильковские заговорщики лишились, и это был тяжелый удар по самолюбию бывшего жениха Екатерины Бороздиной.

Когда же в конце декабря 1825 г. Сергей Муравьев-Апостол поднял восстание Черниговского полка и в этом восстании принял участие Бестужев-Рюмин, то к Волконскому, командовавшему в тот момент пехотной дивизией, друзья даже не попытались обратиться за помощью. Ненависть к ним Волконского не уменьшилась даже и после того, как он узнал о трагическом разгроме мятежных черниговцев и аресте обоих друзей на поле боя. На следствии генерал настаивал, что Муравьев и Бестужев были убежденными сторонниками убийства не только императора, но и всей его семьи и что именно Сергей Муравьев-Апостол был инициатором обсуждения этой идеи.

Это был, конечно, откровенный оговор: идея уничтожения «фамилии» принадлежала Пестелю, ее поддерживали сам Волконский и Василий Давыдов, а Муравьев и Бестужев всегда выступали против. Даже Давыдов не мог «припомнить», «чтобы Сергей Му-

⁴⁷ Там же. С. 118.

⁴⁸ Поджио А.В.: Следственное дело. С. 52.

⁴⁹ Бестужев-Рюмин М.П.: Следственное дело. С. 112.

⁵⁰ Там же. С. 119.

равьев соглашался на преступное мнение прочих об императорской фамилии». Однако князь продолжал настаивать на своем на очных ставках с Давыдовым и Муравьевым-Апостолом⁵¹.

* * *

История же общения семейства Бороздиных с деятелями тайных обществ закончилась плохо. Родной дядя сестер Бороздиных, генерал-адъютант Николай Бороздин, был членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. Его подпись стоит, в частности, под приговором суда, определившим Бестужеву-Рюмину «смертную казнь четвертованием» (замененную впоследствии повешением). Василий Давыдов и Сергей Волконский приговаривались к вечной каторге, Иосиф Поджио – к каторге на 15 лет, а Владимир Лихарев – на 4 года⁵². Впрочем, почти всем приговоренным в 1826 г. к каторжным работам повелением императора Николая I сроки были уменьшены.

Дочери же Алексея Бороздина, оказавшиеся женами государственных преступников, поначалу хотели – подобно кузине Марии Волконской – последовать за мужьями в Сибирь. Но ситуация Марии Поджио не была похожа на ситуацию Волконской. Андрей Бороздин использовал придворные связи для того, чтобы – вместо каторги – Иосифа Поджио отправили в Шлиссельбургскую крепость. При этом жена государственного преступника не знала, где он находится. Преступнику была разрешена переписка с семьей, но сообщать о месте заключения строго воспрещалось. Много лет искавшая его, писавшая письма во все возможные инстанции, называвшая себя «вдовой при живом муже» Мария Поджио наконец сдалась – и развелась с ним⁵³.

Развелась с мужем и Екатерина Лихарева, первоначально хотевшая ехать в Сибирь вместе с Натальей Фонвизиной, женой декабриста Михаила Фонвизина⁵⁴. Какие аргументы на этот раз нашел отец – неясно.

⁵¹ См.: Волконский С.Г.: Следственное дело. С. 117, 156, 163–164; Муравьев-Апостол С.И.: Следственное дело. С. 362–364.

⁵² См.: 119-й («решительный») протокол Верховного уголовного суда от 5 июля 1827 г. (Общий приговор, вынесенный подсудимым) // Восстание декабристов: Документы. М.: Наука, 1980. Т. 17. С. 202, 205, 206, 209, 210, 223.

⁵³ *Семевский В.И.* Иосиф Викторович Поджио // Галерея Шлиссельбургских узников. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. Ч. 1. С. 20–24.

⁵⁴ *Штрайх С.Я.* Из быта декабристов в Сибири // Русское прошлое: Ист. сборники. 1923. № 1. С. 126, 128–131.

Иосиф Поджио скончался в 1848 г. в Иркутске, в доме Волконского, а Лихарев за 8 лет до этого погиб на Кавказе, где служил рядовым. Декабрист Николай Лорер, тоже служивший рядовым в Кавказской армии и знавший Лихарева, писал в мемуарах: «После него остались некоторые бумаги на разных языках и портрет красивой женщины превосходной работы... Я узнал портрет жены его»⁵⁵.

Литература

- Готовцева 2022 – *Готовцева А.Г.* К вопросу о планах военной революции Васильковской управы «Южного общества» // *Путь историка: Сб. ст. памяти Е.Л. Рудницкой.* М.: Ин-т российской истории РАН, 2022. С. 91–110.
- Киянская 2023 – *Киянская О.И.* Люди двадцатых годов: Декабрист Сергей Муравьев-Апостол. М.: РИПОЛ классик, 2023. 768 с.
- Муллин 1971 – *Муллин В.* Неизвестный документ о свадьбе Сергея Волконского // *Русская филология: Сб. научных студенческих работ.* Тарту: Тартуский госуниверситет, 1971. С. 87–93.
- Эйдельман 1975 – *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. М.: Политиздат, 1975. 391 с.

References

- Eidel'man, N.Ya. (1975), *Apostol Sergei* [Apostle Sergey], Politizdat, Moscow, USSR.
- Gotovtseva, A.G. (2022), "On the plans of military revolution of Vasylovskaya board of 'Southern society' ", in *Put' istorika: Sb. st. pamyati E.L. Rudnitskoi* [The way of historian. Collection of articles in memory of E.L. Rudnitskaya], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 91–110.
- Kiyanskaya, O.I. (2023), *Lyudi dvadtsatykh godov: Dekabrist Sergei Murav'ev-Apostol* [People of the twenties: The Decembrist Sergey Muravyov-Apostle], RIPOL klassik, Moscow, Russia.
- Mullin, V. (1971), "Unknown document about Sergei Volkonsky's wedding", in *Russkaya filologiya: Sbornik nauchnykh studencheskikh rabot* [Russian philology. Collection of scientific student papers], Tartu: Tartu State University], Tartuskii gosuniversitet, Tartu, USSR, pp. 87–93.

⁵⁵ *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1984. С. 266.

Информация об авторе

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Information about the author

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru